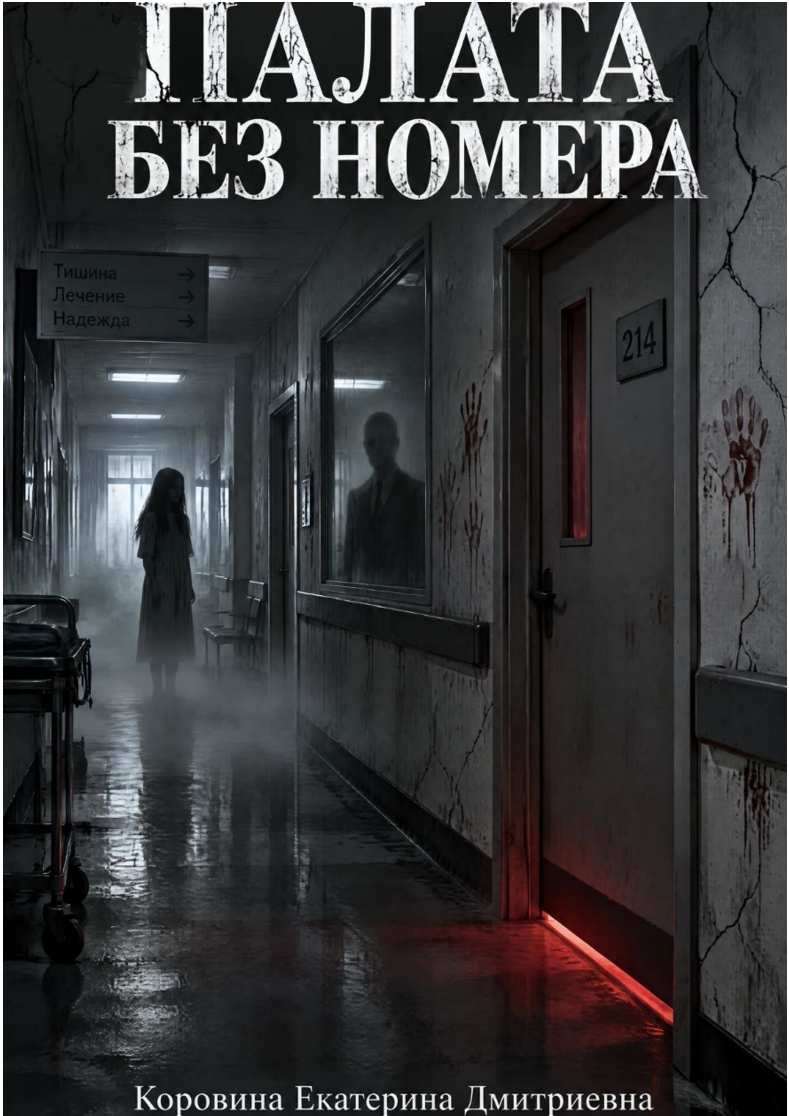
ПАЛАТА БЕЗ НОМЕРА



Коровина Екатерина Дмитриевна

Екатерина Коровина
Палата без номера

https://litres.ru/74704062
SelfPub; 2026

Аннотация

Лиззи приходит в себя после загадочной аварии в частной клинике, которой, кажется, не существует. Врачи уверяют, что девушка в безопасности, но в стерильных коридорах слишком много странностей: часы идут назад, пациенты исчезают, персонал никогда не спит, а по ночам из-за стен доносится детский плач.Пытаясь понять, что происходит, Лиззи узнаёт о палате без номера и существах, способных копировать человеческие лица, голоса и воспоминания. Их жертв ждёт страшная участь: настоящих людей уничтожают, а их тела превращают в оболочки для Слепков.Лиззи понимает, что сама стала частью эксперимента, клиника начинает охоту. Единственным союзником девушки оказывается Ной парень, который скрывает собственную тайну и, возможно, уже не совсем является человеком.

Чтобы выжить, Лиззи придётся вернуться туда, найти источник Слепков и узнать правду о собственной смерти. Но чем ближе она подходит к сердцу клиники, тем труднее понять, где заканчиваются воспоминания и начинается реальность.

Содержание

Глава 2 20
Слишком чистые стены 20
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Екатерина Коровина
Палата без номера

Палата без номера

Коровина Екатерина Дмитриевна

«Палата без номера»

Пролог

Она уже проснулась

Когда машину остановили у клиники, дождь шёл уже третий час.

Водитель не выключил двигатель. Фары пробивали мокрую темноту, отражаясь в лужах перед высоким серым зданием. На вывеске над входом не было названия — только маленький знак, похожий на медицинский крест, перечёркнутый тонкой чёрной линией.

— Она ещё жива? — спросил кто-то.

— Да.

— Тогда почему она уже проснулась?

Дверь машины открылась. Внутрь ворвался холодный воздух, пахнущий мокрым асфальтом и железом.

Двое санитаров вытащили носилки. Девушка лежала неподвижно, с закрытыми глазами. На её виске запеклась кровь, пальцы были сжаты так сильно, что ногти впились в ладони.

— Имя? — спросил мужчина в белом халате.

— Неизвестно.

— Документы?

— Нет.

— Кто вызвал скорую?

Санитары переглянулись.

— Никто.

Врач медленно посмотрел на машину. На заднем сиденье никого не было. Дверь водителя оказалась распахнута, но внутри отсутствовали ключи, телефон и даже следы грязи.

Только на коврике лежала мокрая детская игрушка — маленький пластмассовый кролик без одного глаза.

Врач наклонился к девушке.

— Вы меня слышите?

Её ресницы дрогнули.

Мужчина замер.

— Она открыла глаза, — прошептала медсестра.

— Нет, — ответил врач. — Она уже открыла их раньше.

Из глубины клиники донёсся приглушённый звук.

Плач.

Детский, тихий, надрывный, словно ребёнок старался не закричать слишком громко.

Медсестра повернула голову к коридору.

— В детском отделении опять кто-то проснулся?

Врач резко посмотрел на неё.

— У нас нет детского отделения.

Плач оборвался.

На несколько секунд вокруг стояла полная тишина. Даже дождь за стеклянными дверями будто исчез.

Потом девушка на носилках вдохнула.

Слишком глубоко.

Её грудь поднялась, задержалась и медленно опустилась. Глаза оставались закрытыми, но губы шевельнулись.

— Не говорите ей, где она, — прошептала она.

Медсестра наклонилась ближе.

— Что?

Девушка снова замолчала.

Врач выпрямился и посмотрел на часы над входом. Они показывали 03:17.

Секундная стрелка двигалась назад.

— Отвезите её в палату 214, — сказал он.

— Но палата 214 занята.

— Уже нет.

Медсестра не стала спорить. Она взялась за край носилок и пошла по коридору. Колёса тихо поскрипывали на блестящем полу.

Здание внутри казалось гораздо больше, чем снаружи. Коридор уходил вперёд, поворачивал, снова поворачивал и терялся в белом свете ламп. На стенах висели фотографии врачей, но лица на них были вырезаны.

Девушка внезапно открыла глаза.

Она увидела потолок.

Белый.

Слишком белый.

Свет ламп расплывался перед глазами, превращаясь в длинные светящиеся полосы. Где-то рядом шли люди. Она слышала их голоса, но не могла разобрать слов.

— Давление падает.

— Это нормально.

— Она не должна была слышать.

— Она слышала и раньше.

— Сколько времени?

— Двенадцать минут.

— Значит, осталось меньше суток.

Девушка попыталась пошевелить рукой, но тело не слушалось. В горле пересохло. Она хотела спросить, где находится, но вместо слов из её груди вырвался слабый хрип.

Медсестра остановилась.

— Она пришла в себя.

Врач подошёл к носилкам.

— Лиззи?

Девушка повернула голову.

Он смотрел прямо на неё, хотя она ни разу не называла ему своего имени.

— Как вы узнали… — прошептала она.

Врач улыбнулся.

Улыбка была почти человеческой.

— Вы сами нам сказали.

Лиззи закрыла глаза.

Внутри её головы вспыхнула картинка: мокрая дорога, разбитое стекло, красные огни вдали. Кто-то стоял возле машины. Высокий человек в светлой одежде. Он наклонился к ней и положил ладонь на стекло.

На его лице не было глаз.

Лиззи снова открыла глаза.

Врач всё ещё улыбался.

— Где я? — спросила она.

Медсестра перестала двигать носилки.

Врач ответил не сразу. Сначала он посмотрел на неё, потом на медсестру, словно ждал от неё подсказки.

— Вы в клинике, — сказал он наконец.

— В какой?

— В безопасной.

— Какой город?

Он снова замолчал.

Лиззи почувствовала, как по телу пробежал холод.

Медсестра наклонилась над ней и мягко поправила одеяло.

— Вам нужно отдыхать. Вы пережили тяжёлую травму.

— Я хочу позвонить.

— Конечно.

— Где мой телефон?

— Он будет у вас утром.

— Сейчас ночь?

— Сейчас всегда ночь, — прошептал чей-то голос.

Лиззи повернула голову, но в коридоре никого не было.

Только дверь с табличкой **07**.

Из-за двери послышался тихий стук.

Три раза.

Пауза.

Ещё три раза.

Медсестра быстро закрыла дверь в палату 214 и повернула ключ в замке.

— Не обращайте внимания, — сказала она.

Лиззи посмотрела на неё.

— Там кто-то есть?

Медсестра улыбнулась.

На этот раз улыбка появилась немного позже, чем должна была.

— Нет.

Из-за стены донёсся детский шёпот:

— Она уже проснулась.

Врач посмотрел на медсестру.

Медсестра — на врача.

А потом оба одновременно повернули головы к Лиззи.

Она поняла, что должна была притвориться спящей.

Но было уже поздно.

Глава 1

Палата 214

Лиззи проснулась от боли в руке.

Сначала ей показалось, что боль была не настоящей. Она

возникала где-то далеко, за пределами тела, словно кто-то осторожно тянул её обратно из глубокого сна. Потом ощущение стало сильнее. В вену входила игла, вокруг которой кожа неприятно зудела.

Лиззи попыталась открыть глаза.

Не получилось.

Она слышала равномерный писк аппарата. Где-то рядом капала вода. Один звук повторялся через одинаковые промежутки времени — капля, пауза, капля, пауза.

Запах был резким и чистым. Антисептик. Под ним угадывался другой запах — металлический, влажный, напоминающий кровь.

Она снова попыталась пошевелиться.

На этот раз ей удалось поднять пальцы.

Аппарат рядом немедленно издал короткий сигнал.

— Она проснулась, — сказал женский голос.

Лиззи открыла глаза.

Над ней был белый потолок. В центре его располагалась квадратная лампа, слишком яркая даже сквозь мутное зрение. Она моргнула несколько раз, пытаясь сфокусироваться.

У кровати стояла женщина в белой форме. Её лицо казалось знакомым, хотя Лиззи не могла вспомнить, где они встречались.

— Как вы себя чувствуете? — спросила женщина.

Лиззи попыталась ответить, но в горле было сухо, будто она несколько дней не пила воды.

Медсестра поставила рядом стакан.

— Медленно.

Она помогла Лиззи приподняться. В затылке тут же вспыхнула боль, и перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Осторожнее, — произнесла медсестра. — После аварии это нормально.

— Аварии?

Голос Лиззи прозвучал хрипло.

— Да.

— Где я?

— В клинике.

— В какой клинике?

Медсестра поставила стакан обратно на столик.

— Вам лучше сначала прийти в себя.

— Я хочу знать, где нахожусь.

Женщина улыбнулась.

Улыбка была мягкой, успокаивающей. Но что-то в ней казалось неправильным. Не сама улыбка, а то, как медсестра удерживала её на лице — слишком долго, неподвижно, словно забыла, что люди обычно моргают.

— Вы в безопасности, Лиззи.

Лиззи замерла.

— Откуда вы знаете моё имя?

Медсестра посмотрела на карту, лежавшую у изголовья.

— Оно указано в документах.

— Мои документы здесь?

— Конечно.

— Я могу их увидеть?

— Позже.

За дверью послышались шаги. Медленные, тяжёлые, будто кто-то шёл, волоча одну ногу. Они остановились прямо напротив палаты.

Лиззи посмотрела на дверь.

На ней висела табличка: 214.

Под номером кто-то приклеил маленькую белую наклейку. На ней были изображены три улыбающихся человечка, взявшихся за руки.

У одного из них лицо было зачёркнуто.

— Где мой телефон? — спросила Лиззи.

— Его не нашли.

— А сумка?

— Тоже.

— Кто привёз меня?

Медсестра слегка наклонила голову.

— Вас нашли на дороге.

— Кто?

— Неизвестно.

За дверью снова раздались шаги.

На этот раз они прошли мимо палаты.

Лиззи провела языком по пересохшим губам.

— Я попала в аварию?

— Так нам сообщили.

— Кто сообщил?

Медсестра не ответила.

В палату вошёл мужчина в белом халате. Он был высоким, худым и настолько бледным, что его кожа почти сливалась с освещёнными стенами. Волосы зачёсаны назад. На груди висел бейдж:

Доктор Эдриан Вейл.

Он посмотрел на Лиззи, затем на приборы.

— Доброе утро.

За окном было темно.

Лиззи заметила это сразу. Между плотными шторами оставалась узкая щель, но за ней не было ни света фонарей, ни серого рассвета. Только густая чёрная темнота.

— Сейчас утро? — спросила она.

Доктор посмотрел на часы.

На его запястье часов не было.

— Утро наступит скоро.

— Который час?

Он улыбнулся.

— Вам сейчас не стоит беспокоиться о времени.

— Я хочу позвонить домой.

— Это будет возможно, когда ваше состояние стабилизируется.

— Моё состояние нормальное. Я просто хочу позвонить.

Доктор подошёл к кровати и посветил фонариком ей в глаза. Свет был холодным, почти голубым.

— Как вас зовут?

Лиззи нахмурилась.

— Вы только что назвали меня по имени.

Доктор не отреагировал.

— Как вас зовут?

— Лиззи Морроу.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Где вы живёте?

Лиззи ответила не сразу.

Адрес возник в памяти, но словно за стеклом. Она знала улицу, номер дома, цвет входной двери. Знала, что на кухне стоял разбитый керамический горшок. Знала, что в ванной протекал кран.

Но рядом с этими воспоминаниями была пустота.

— В городе, — сказала она.

Доктор записал ответ.

— Каком городе?

Лиззи открыла рот и поняла, что не знает.

Внутри головы раздался тонкий звон.

— Я… не помню.

— Это ожидаемо после травмы, — сказал доктор.

— Что со мной случилось?

— Вы получили сотрясение, ушиб рёбер и небольшую кровопотерю. Ничего серьёзного.

— Почему я ничего не помню?

— Память восстановится.

Доктор говорил спокойно, но каждый его ответ звучал так, словно он заранее знал, какой вопрос последует дальше.

Лиззи посмотрела на его руки.

На пальцах не было ни одного кольца, царапины или пятна. Руки выглядели слишком гладкими, почти ненастоящими.

— Я долго здесь?

— Недолго.

— Сколько?

Доктор снова улыбнулся.

— Вы только поступили.

Лиззи вспомнила слова из пролога своего сознания:

Палата 214 занята.

Уже нет.

Она не понимала, откуда взялась эта фраза. Это было воспоминание или сон?

— Здесь есть другие пациенты? — спросила она.

— Разумеется.

— Я слышала плач ребёнка.

Медсестра замерла.

Доктор медленно поднял глаза.

— Вам приснилось.

— Я слышала его после того, как проснулась.

— После сотрясения слух может обманывать.

— Это был ребёнок.

Доктор некоторое время смотрел на неё, не моргая.

Потом повернулся к медсестре.

— Увеличьте дозировку.

— Я не хочу никаких лекарств, — сказала Лиззи.

— Это успокоительное.

— Я не нервничаю.

Медсестра взяла шприц с металлического подноса.

Лиззи увидела, как игла блеснула под лампой.

— Подождите.

Она резко отдёрнула руку. Трубка натянулась, а аппарат издал протяжный сигнал.

— Я сказала, не надо.

Медсестра застыла.

Её лицо стало пустым. Не злым, не удивлённым — просто пустым, будто выражение исчезло с него.

Доктор положил ладонь ей на плечо.

— Конечно, — сказал он. — Не сейчас.

Медсестра медленно убрала шприц.

Лиззи заметила, что на его цилиндре не было наклейки с названием препарата.

— Когда я смогу уйти? — спросила она.

— Когда врач разрешит.

— Вы врач.

— Не единственный.

— Тогда разрешите.

Доктор наклонился к ней. Его голос стал тише.

— Лиззи, вы ещё не понимаете, где находитесь.

— Тогда объясните.

На несколько секунд его лицо изменилось. Улыбка исчезла, и Лиззи увидела под ней не раздражение, а нечто похожее на любопытство.

— Вы очень рано проснулись, — сказал он.

— Что это значит?

Доктор выпрямился.

— Отдыхайте.

Он вышел из палаты.

Медсестра задержалась у двери.

— Как вас зовут? — спросила Лиззи.

Женщина посмотрела на неё.

— Мара.

— Мара… что?

— Просто Мара.

— Я могу увидеть свою медицинскую карту?

— Позже.

— Вы все говорите одно и то же.

Мара склонила голову.

— Потому что это правда.

Она закрыла дверь.

Лиззи осталась одна.

Несколько минут она лежала неподвижно, слушая тишину. За стенами клиники кто-то ходил. Иногда раздавался звук колёс, иногда — короткий металлический удар. Один

раз она услышала приглушённый смех.

Потом снова плач.

На этот раз ближе.

Лиззи медленно села на кровати.

Голова закружилась, но она не легла обратно. Потянувшись к тумбочке, она нащупала пластиковый стакан и сделала несколько глотков воды.

В палате было два стула. Один стоял возле двери. Второй — у окна.

На втором стуле лежала её одежда.

Лиззи узнала куртку, джинсы и серую футболку. На рукаве куртки темнело пятно крови. Она осторожно проверила карманы.

Пусто.

Только в одном из них нашлась маленькая металлическая пуговица, испачканная чем-то тёмным.

Лиззи сжала её в ладони.

И в этот момент за дверью кто-то прошептал:

— Лиззи.

Она замерла.

Шёпот повторил её имя.

— Лиззи… не открывай.

Девушка медленно повернула голову к двери.

На табличке рядом с номером 214 появилась тонкая влажная полоса. Она стекала вниз, оставляя после себя ржаво-красный след.

За дверью раздался тихий стук.
Три раза.
Пауза.
Ещё три раза.
Лиззи не двигалась.
Затем голос прошептал:
— Они знают, что ты помнишь.

Глава 2

Слишком чистые стены

Утро в клинике не наступило.

Лиззи поняла это, когда проснулась во второй раз. За шторами всё ещё стояла та же чёрная темнота. Лампа под потолком горела с прежней яркостью, аппарат у кровати отсчитывал одинаковые интервалы, а за дверью время от времени проходили люди.

Она не знала, сколько спала. На тумбочке не было часов. Телефона не было. Даже маленького электронного дисплея, который обычно показывал уровень заряда медицинского прибора, здесь не оказалось.

Лиззи осторожно коснулась повязки на виске. Крови не было, но кожа под бинтом болезненно пульсировала.

Она вспомнила ночной шёпот:

Они знают, что ты помнишь.

Проблема заключалась в том, что она не знала, что именно помнит.

Лиззи спустила ноги с кровати. Пол оказался холодным. Она пошатнулась и схватилась за край тумбочки, пока головокружение не прошло.

На стене напротив висела картина. На ней был изображён

морской берег, залитый солнечным светом. Волны казались почти живыми, но солнца в картине не было — только белое сияние в верхнем углу.

Лиззи подошла ближе.

Под рамой виднелась маленькая табличка:

«Возвращение».

Она провела пальцем по стеклу. На поверхности остался влажный след. Внутри рамы что-то тихо царапнулось.

Лиззи отдёрнула руку.

В дверь постучали.

Один раз.

— Войдите, — сказала она.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла Мара. В руках она держала металлический поднос с едой: прозрачный бульон, два ломтика хлеба и маленькое яблоко.

— Вы встали с постели, — сказала медсестра.

— Я хотела посмотреть, где нахожусь.

— Вам нельзя вставать без разрешения.

— Почему?

— Из-за травмы.

Мара поставила поднос на столик. Лиззи заметила, что на её перчатках не было ни единой складки. Они сидели на руках слишком плотно, будто были частью кожи.

— Я могу уйти? — спросила Лиззи.

— Пока нет.

— Почему?

— Доктор Вейл ещё не закончил обследование.

— Он сказал, что со мной ничего серьёзного.

— Ничего серьёзного — не значит ничего.

Лиззи посмотрела на поднос.

— Я не хочу есть.

— Вам нужно восстановить силы.

— Где кухня?

Мара на секунду замолчала.

— На первом этаже.

— А мы на каком?

— На втором.

— Можно мне выйти в коридор?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Лиззи заметила это и улыбнулась:

— Почему?

Мара поправила край одеяла.

— Здесь нельзя ходить без сопровождения.

— Я пациентка или заключённая?

Медсестра подняла глаза.

В них не было злости. Только внимательность. Она рассматривала Лиззи так, как рассматривают незнакомый предмет, пытаясь понять, для чего он предназначен.

— Вы пациентка, — сказала Мара.

— Тогда покажите мне правила клиники.

— Какие правила?

— Для пациентов.

— Вам расскажут позже.

Лиззи откинулась на спинку стула.

— Вы всё время говорите «позже».

Мара ничего не ответила.

В коридоре за её спиной послышалось движение. Кто-то прошёл мимо двери, остановился и тихо вдохнул. Затем послышался скрип, будто ногтем провели по стене.

Мара быстро закрыла дверь.

— Что это было? — спросила Лиззи.

— Ничего.

— Я слышала.

— В клинике много звуков.

— Здесь есть детское отделение?

Мара застыла.

На этот раз Лиззи успела заметить, как её улыбка исчезла. Не медленно, как у живого человека, а мгновенно — словно выключился свет.

— Нет, — сказала Мара.

— Тогда кто плакал ночью?

— Вам показалось.

— Доктор сказал то же самое.

Мара посмотрела на картину.

— Вам нельзя слушать голоса.

— Почему?

Медсестра повернулась к ней.

— Потому что не каждый голос принадлежит человеку.

После этих слов в палате стало холоднее.

Мара будто сама не поняла, что сказала. Она опустила глаза, взяла поднос и направилась к двери.

— Подождите.

Лиззи поднялась.

— Мне нужна моя медицинская карта.

— Она у доктора.

— Позовите его.

— Он занят.

— Чем?

Мара положила руку на дверную ручку.

— Принимает пациентов.

— Здесь много пациентов?

— Достаточно.

— А сколько палат?

Мара посмотрела на номер над дверью.

— Двести четырнадцать.

— Я спросила, сколько палат.

Медсестра повернула голову слишком резко.

— Вы должны отдыхать.

Дверь закрылась.

Лиззи осталась одна.

Она дождалась, пока шаги Мары исчезнут, и только потом подошла к окну.

Шторы оказались тяжёлыми, почти резиновыми. Лиззи потянула их в стороны и увидела стекло, покрытое тонкой серой плёнкой. За ним не было ни улицы, ни зданий, ни дождя.

Только белая стена.

Она стояла совсем близко — в нескольких сантиметрах от окна.

Лиззи коснулась стекла. За стеной кто-то тихо постучал в ответ.

Три раза.

Пауза.

Ещё три раза.

Девушка отступила.

В дверь палаты постучали.

— Лиззи? — раздался голос Мары.

Лиззи молчала.

— Вы там?

Голос звучал правильно, но интонация была чужой. Мара произнесла её имя так, будто впервые пробовала его на вкус.

— Да, — ответила Лиззи.

— Откройте дверь.

— Зачем?

За дверью наступила пауза.

— Я принесла вам лекарство.

— Оставьте его у двери.

Тишина.

Потом Мара тихо рассмеялась.

Смех длился слишком долго и не менялся по громкости.

— Вы не должны закрывать дверь, Лиззи.

Лиззи медленно отошла от окна.

На внутренней стороне двери, чуть ниже замка, она заметила царапины. Их было много. Они складывались в слова, написанные острым предметом:

НЕ ОТКРЫВАЙ ПОСЛЕ ТРЁХ СТУКОВ.

Лиззи посмотрела на дверь.

Мара постучала снова.

Раз.

Два.

Три.

Лиззи зажала рот ладонью, чтобы не выдать дыхание.

Под дверью появилась тень.

Она была слишком длинной и изгибалась в сторону, противоположную свету коридора.

— Лиззи, — прошептала Мара. — Я знаю, что ты стоишь рядом.

Тень под дверью поднялась по стене.

Сначала до уровня кровати, потом до потолка. На мгновение она напоминала человеческую фигуру, стоящую на четвереньках.

Лиззи попятилась.

Свет в палате мигнул.

Когда он загорелся снова, тени уже не было.

За дверью раздались удаляющиеся шаги. Они постепенно стихли, но Мара не сказала ни слова.

Лиззи подождала ещё несколько минут. Потом осторожно подошла к двери и прижалась ухом к холодной поверхности.

Из коридора донёсся тихий разговор.

— Она не открыла, — сказала Мара.

— Значит, слышала предупреждение, — ответил мужской голос.

— Она помнит дорогу.

— Все помнят дорогу.

— Нет. Эта помнит того, кто стоял рядом.

Лиззи перестала дышать.

— Тогда времени почти не осталось, — сказал мужчина.

Шаги удалились.

Девушка опустилась на пол, не чувствуя холода под коленями.

Она закрыла глаза и заставила себя вспомнить аварию.

Дорога.

Дождь.

Красные огни.

Человек у разбитой машины.

Его ладонь на стекле.

И лицо без глаз.

Лиззи резко открыла глаза.

На стене напротив, под картиной, проступили новые буквы. Они медленно появлялись на белой поверхности, будто

их писали изнутри:

НЕ ВЕРЬ ТОМУ, КТО ПРИДЁТ ПОСЛЕ МАРЫ.

В коридоре звякнули ключи.

Кто-то остановился у двери.

Но на этот раз стучать не стали.

Замок начал поворачиваться сам.

Глава 3

Детский плач

Замок перестал поворачиваться.

Лиззи стояла посреди палаты, не сводя глаз с двери. Ручка опустилась сама собой, медленно и беззвучно. Потом замерла.

В коридоре кто-то тяжело дышал.

Девушка не двигалась. Ей казалось, что любой звук — даже случайный вдох — может выдать её присутствие.

Через несколько секунд ручка вернулась в прежнее положение.

Шаги удалились.

Лиззи подождала, пока тишина станет полной, и только потом подошла к двери. Она приложила ладонь к холодному металлу. Дверь слегка дрожала, словно по ту сторону кто-то всё ещё держался за ручку.

— Лиззи, — сказал голос.

Это была Мара.

— Откройте.

Лиззи ничего не ответила.

— Я знаю, что вы слышите меня.

Голос звучал спокойно. Почти ласково.

— Мне нужно проверить повязку.

Лиззи посмотрела на часы, которых не было.

— Вы уже проверяли её.

— Это было до того, как вы встали.

— Я могу сама открыть дверь.

— Конечно.

За дверью наступила пауза.

— Но сначала я должна войти.

Лиззи отступила.

— Почему?

— Потому что так положено.

— Кем положено?

Мара не ответила.

Издалека донёсся протяжный стон. Он быстро перешёл в плач — тонкий, детский и такой тихий, будто ребёнок плакал, прижавшись лицом к подушке.

Лиззи почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

Плач повторился.

Он исходил не из коридора. Казалось, звук шёл из стены рядом с кроватью.

— Вы это слышите? — спросила Лиззи.

За дверью Мара тяжело вздохнула.

— Не слушайте.

— Кто там?

— Никого.

Плач стал громче.

— Там ребёнок.

— Нет.

— Я слышу его.

— Вы слышите то, что хотите услышать.

Лиззи прижала ухо к стене.

Плач сразу стих.

Она ждала. Несколько секунд ничего не происходило. Потом с другой стороны стены раздался тихий стук.

Один раз.

Лиззи отстранилась.

Стук повторился.

Три раза.

Пауза.

Ещё три раза.

Она посмотрела на дверь палаты.

— Это ты? — прошептала Лиззи.

За стеной послышалось царапанье.

Потом детский голос произнёс:

— Не говори громко.

Лиззи застыла.

— Кто ты?

— Томас.

— Ты в палате?

— Нет.

— Где ты?

— Между стенами.

Лиззи отступила от стены.

— Что это значит?

— Они слышат через двери.

— Кто?

Ребёнок долго молчал.

— Те, кто улыбается.

За дверью Мара снова постучала.

— Лиззи, откройте.

Детский голос стал почти неслышным:

— Не открывай.

— Мара, — сказала Лиззи, стараясь говорить ровно, — я хочу спать.

— Вы не можете спать сейчас.

— Почему?

— Доктор ждёт вас.

— Пусть подождёт.

— Он не любит, когда его заставляют ждать.

— Я не боюсь доктора.

За дверью повисла тишина.

Затем Мара тихо произнесла:

— Вы должны бояться тех, кто не умеет ждать.

Послышались шаги. На этот раз они удалялись быстро.

Лиззи присела возле стены.

— Томас?

Ответа не было.

— Томас, ты здесь?

Сначала она услышала только слабое дыхание. Потом мальчик прошептал:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Ты помнишь свой дом?

— Да.

— А его запах?

Лиззи задумалась.

Ей вспомнился кофе, который она по утрам готовила на маленькой кухне. Старый деревянный стол. Пыльное окно. Корица в стеклянной банке.

— Да, — сказала она. — Помню.

— Тогда ты ещё настоящая.

Лиззи почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Что значит «ещё»?

Томас не ответил.

— Томас, где твоя палата?

— У меня нет палаты.

— Почему?

— Мне нельзя показываться.

— Кто тебе не разрешает?

С другой стороны стены послышался шёпот. Не детский. Несколько голосов одновременно повторяли одну и ту же фразу:

— Лиззи Морроу. Лиззи Морроу. Лиззи Морроу.

Томас резко замолчал.

Лиззи закрыла рот ладонью.

Голоса стихли так же внезапно, как начались.

— Они услышали тебя, — сказал мальчик.

— Кто?

— Не отвечай им.

— Но они знают моё имя.

— Они знают всё, что написано в твоей карте.

Лиззи посмотрела на столик, где ещё недавно лежала медицинская папка. Карты там больше не было.

— Где моя карта?

— У доктора.

— Ты его видел?

— Я видел его лицо.

— Он настоящий?

Томас за стеной зашептал ещё тише:

— Настоящие здесь долго не остаются.

Лиззи положила ладонь на стену.

— Ты можешь выбраться?

— Нет.

— Я помогу тебе.

— Не надо.

— Почему?

— Если ты откроешь стену, они увидят меня.

— Какую стену?

— Ту, где висит картина.

Лиззи поднялась и посмотрела на морской берег. Белое сияние в верхнем углу картины теперь казалось не солнцем, а пустым окном.

— Здесь?

— Сними её.

Лиззи встала на стул. Рама оказалась прикреплена к стене всего одним металлическим крючком. Она потянула картину на себя.

Сначала ничего не произошло.

Потом из-за рамы донёсся влажный звук.

Будто по другую сторону стены кто-то провёл языком по стеклу.

Лиззи резко дёрнула картину.

Крепление поддалось, и полотно упало на пол.

В стене открылось узкое чёрное отверстие.

Из него пахнуло сыростью и чем-то сладковатым, гниющим.

Внутри были видны царапины. Многочисленные. Некоторые складывались в буквы, другие выглядели как отпечатки маленьких пальцев.

— Томас? — прошептала Лиззи.

Из темноты донёсся детский голос:

— Ты не должна была открывать.

— Я хочу вытащить тебя.

— Уже поздно.

В глубине отверстия что-то шевельнулось.

Лиззи увидела маленькую ладонь. Бледную, с длинными синеватыми пальцами. Она медленно вытянулась наружу и легла на край стены.

— Дай мне руку, — сказала Лиззи.

— Не смотри на моё лицо.

— Почему?

— Я не помню, какое оно было.

Лиззи замерла.

Из коридора снова донёсся звук колёс. Кто-то приближался к палате.

— Они идут, — сказал Томас.

— Я не брошу тебя.

— Бросишь.

— Нет.

— Все сначала так говорят.

Колёса остановились у двери.

Лиззи отступила от стены. Пальцы мальчика исчезли в отверстии, но сам голос остался рядом.

— Когда они войдут, не смотри на них.

— Что произойдёт?

— Они будут улыбаться.

Ручка двери опустилась.

Лиззи быстро подняла картину и прислонила её к стене. Отверстие исчезло за полотном, но запах остался.

Дверь открылась.

В палату вошёл доктор Вейл.

За ним стоял высокий санитар. Его лицо было скрыто медицинской маской, но глаза смотрели слишком широко и неподвижно.

— Добрый вечер, Лиззи, — сказал доктор.

— Сейчас вечер?

— Конечно.

— Вы говорили, что наступит утро.

— Я ошибся.

Доктор улыбнулся.

На этот раз Лиззи не посмотрела ему в лицо. Она смотрела на его руки.

На одном пальце виднелось тёмное пятно.

— Вы слышали плач? — спросил он.

Лиззи молчала.

— В этой клинике иногда слышны странные звуки. Это старая система вентиляции.

Санитар закрыл дверь.

Доктор подошёл к окну и отодвинул штору. За стеклом по-прежнему находилась белая стена.

— Вы видите, как быстро всё меняется? — спросил он.

— Что именно?

Он посмотрел на неё.

— Ваша память.

Лиззи почувствовала, как в кармане сжалась металлическая пуговица.

— Я хочу уйти.

— Вы уйдёте.

— Когда?

— Когда закончите выздоравливать.

— А если я не хочу здесь оставаться?

Доктор наклонил голову.

— Желание пациента важно. Но не всегда решающее.

Из-за картины донёсся тихий стук.

Три раза.

Доктор замер.

Санитар медленно повернул голову к стене.

Лиззи задержала дыхание.

Доктор улыбнулся шире.

— Вы что-нибудь слышали?

— Нет, — сказала Лиззи.

Стук повторился.

Три раза.

Доктор посмотрел прямо на картину.

— Хорошо, — произнёс он. — Значит, пока он говорит только с вами.

Лиззи почувствовала, как холод поднимается от пола к груди.

— Кто?

Доктор приблизился к ней.

— Мальчик из палаты 07.

В отверстии за картиной что-то тихо заплакало.

Доктор взялся за край полотна.

— Давайте посмотрим, кого вы нашли.

Глава 4

Пациентка напротив

Доктор Вейл взялся за край картины.

Лиззи увидела, как его пальцы сжались на раме. Ногти были короткими и совершенно бесцветными. Под ними не было ни грязи, ни кожи — только ровная гладкая поверхность.

— Что находится за картиной? — спросила она.

— Старая ниша.

— Почему там кто-то говорит?

— Вы уверены, что слышите голос?

— Да.

— Тогда вы должны понимать, что это не обязательно человек.

Доктор потянул картину на себя.

Из отверстия донёсся тихий плач.

Не детский.

Теперь плакал взрослый человек — хрипло, прерывисто, сдавленно. Лиззи отшатнулась. Она поняла, что слышит звук не из стены, а из самой рамы. Будто плач был заперт внутри картины.

Санитар сделал шаг вперёд.

— Доктор, — сказал он.

Вейл остановился.

На лице врача впервые появилась тревога.

— Что?

— В коридоре.

За дверью раздался глухой удар.

Потом ещё один.

Кто-то медленно бился телом о стену.

Доктор отпустил картину и повернулся к двери.

— Останьтесь здесь, — сказал он Лиззи.

— Я не собираюсь…

Он поднял руку.

— Это не просьба.

Вейл и санитар вышли из палаты. Дверь закрылась, но не заперлась. Лиззи осталась одна, если не считать плача за картиной.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Потом наклонилась к раме.

— Томас?

Плач прекратился.

Из отверстия за стеной донёсся шёпот:

— Не смотри.

— Доктор ушёл.

— Он вернётся.

— Что за картиной?

— Не картина.

Лиззи коснулась полотна.

Оно оказалось влажным.

На пальцах осталась прозрачная липкая жидкость с ме-

таллическим запахом.

— Тогда что?

— Глаз.

Снаружи снова раздался удар. На этот раз сильнее. Дверь палаты вздрогнула.

Лиззи отошла от стены.

В коридоре послышались быстрые шаги. Кто-то говорил, но слова сливались в шипение.

— Где она?

— В палате.

— Она видела?

— Пока нет.

— Тогда почему дверь открыта?

Лиззи быстро отступила к кровати и села, положив руки на одеяло.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Мара. На её белой форме появились тёмные брызги. Они тянулись от плеча к рукаву, будто кто-то провёл по ней мокрой ладонью.

— Ложитесь, — сказала она.

— Что произошло?

— Ничего.

— Я слышала удар.

— В клинике много звуков.

— Где доктор?

Мара посмотрела на картину.

— Он занят.

— Чем?

— Другими пациентами.

Мара вошла и закрыла дверь. В руке она держала тонкую папку.

— Вам нужно пройти обследование.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Я не хочу.

— Это не зависит от желания.

Лиззи посмотрела на папку.

— Там моя карта?

— Да.

— Покажите.

Мара не ответила.

— Если это моя карта, я имею право её увидеть.

Медсестра раскрыла папку.

На первой странице было напечатано имя: **Лиззи Морроу**.

Ниже стояла дата рождения, но цифры были зачёркнуты. Под ними другой рукой написали: **23 года**.

Лиззи увидела ещё одну строку:

Поступила: 14 марта.

Она нахмурилась.

— Сегодня сколько?

Мара закрыла папку.

— Тридцатое марта.

Лиззи почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Я пробыла здесь шестнадцать дней?

— Вы были без сознания.

— Почему мне сказали, что я только поступила?

Мара посмотрела на неё.

— Кто сказал?

— Доктор Вейл.

— Он мог ошибиться.

— Он сказал, что меня нашли сегодня.

Мара слегка улыбнулась.

— Доктора иногда говорят то, что нужно пациенту услышать.

— А что нужно услышать мне?

Мара наклонила голову.

— Что вам нечего бояться.

За стеной снова послышался стук.

Один раз.

Лиззи не повернула головы.

Мара внимательно наблюдала за ней.

— Вы знаете, что находится за картиной? — спросила Лиззи.

— Какая картина?

Лиззи показала на стену.

Мара посмотрела туда.

На несколько секунд её лицо стало совершенно неподвиж-

ным.

— Уберите её, — сказала она.

— Почему?

— Это не ваша вещь.

— Тогда чья?

Мара не ответила. Она поставила папку на столик и достала шприц.

— Я сказала, что не буду принимать лекарства.

— Это не лекарство.

— Что тогда?

Мара подняла шприц к свету. Внутри находилась прозрачная жидкость с маленькими пузырьками.

— Чтобы вам было легче вспомнить.

Лиззи встала с кровати.

— Воспоминания не лечат уколами.

Мара улыбнулась.

— Иногда лечат.

В дверь постучали.

На этот раз не три раза.

Один длинный удар.

Мара быстро спрятала шприц за спину.

— Войдите, — сказала она.

Дверь открылась.

В палату заглянула женщина лет сорока. На ней была голубая больничная пижама, волосы собраны на затылке, а лицо казалось измождённым. На правой щеке виднелась длин-

ная царапина.

— Простите, — сказала женщина. — Я искала туалет.

Мара сразу встала между ней и Лиззи.

— Ваш туалет в другом конце коридора.

— Я заблудилась.

— Вернитесь в палату.

Женщина посмотрела на Лиззи.

Её глаза расширились.

— Вы тоже здесь недавно?

Мара резко повернула голову.

— Вернитесь в палату.

— Я просто спросила.

— Сейчас.

Женщина отступила, но не ушла.

— Если вам понадобится помощь, — сказала она Лиззи, — моя палата напротив. Номер 215.

Мара захлопнула дверь.

— Не разговаривайте с ней, — сказала она.

— Почему?

— Она больна.

— Я тоже пациентка.

— Вы другая.

Эти слова прозвучали слишком быстро. Мара будто пожалела, что произнесла их.

Лиззи посмотрела на дверь.

— Что с ней?

— Ничего.

— Тогда почему нельзя с ней разговаривать?

— Потому что она забывает, что говорит.

Мара убрала шприц в карман.

— Я вернусь через десять минут.

— А если я уйду?

Медсестра впервые перестала улыбаться.

— Вы не уйдёте.

Она вышла.

Лиззи подождала, пока шаги исчезнут. Потом подошла к двери и посмотрела в узкую щель между полотном и косяком.

Коридор был пуст.

Напротив находилась дверь с номером **215**.

Лиззи открыла свою дверь и вышла.

Пол под ногами оказался тёплым. Воздух в коридоре пах хлоркой, но под этим запахом чувствовалось что-то сладкое и тяжёлое.

Она подошла к двери 215 и постучала.

— Войдите, — сразу ответила женщина.

Лиззи вошла.

Палата напротив была почти такой же, как её собственная. Та же кровать, тот же столик, тот же пейзаж на стене. Но на картине вместо моря был тёмный лес.

Женщина сидела на кровати.

— Вы Лиззи? — спросила она.

— Да.

— Меня зовут Эвелин.

— Давно вы здесь?

Эвелин усмехнулась.

— Я не знаю. Иногда мне кажется, что несколько часов. Иногда — что несколько лет.

Лиззи села рядом.

— Что это за место?

Эвелин посмотрела на дверь.

— Вы уже слышали детей?

— Да.

— Тогда вы здесь достаточно долго.

— Почему персонал говорит, что детей нет?

Эвелин провела пальцами по царапине на щеке.

— Потому что они не хотят, чтобы вы искали палату 07.

— Я уже слышала этот номер.

— Все его слышат. Но никто не может её найти.

— Томас говорит со мной через стену.

Эвелин побледнела.

— Вы разговаривали с ним?

— Да.

— Тогда они скоро придут.

— Кто?

Эвелин посмотрела на дверь в коридор.

— Те, кто забирает пациентов.

— Куда?

— В палату без номера.

За стеной раздался детский плач.

Эвелин вздрогнула и схватила Лиззи за руку.

— Когда услышите своё имя, не отвечайте.

— Почему?

— Потому что после ответа они узнают, где вы находитесь.

В коридоре прозвучал знакомый голос:

— Лиззи?

Это была Мара.

Эвелин сжала её руку сильнее.

— Не отвечайте.

Голос за дверью стал мягче:

— Лиззи, я знаю, что ты у Эвелин.

Эвелин закрыла глаза.

— Она не могла знать, — прошептала женщина.

Дверь палаты 215 начала медленно открываться.

В щели показалось лицо Мары.

Но улыбалась уже не Мара.

Её рот был слишком широким, а кожа на щеках натянулась так сильно, будто лицо пыталось удержать чужую форму.

Эвелин прошептала:

— Не смотри ей в глаза.

Лиззи опустила взгляд.

На полу перед дверью лежала медицинская карта.

На ней было написано:

Эвелин Харпер.

Под именем стояла дата поступления:

14 марта.

А ниже, красными чернилами:

ОБРАЗЕЦ УТЕРЯН.

Глава 5

Неправильное отражение

Лиззи не смотрела на лицо Мары.

Она смотрела на пол, на медицинскую карту и на тонкую полоску света, пробивавшуюся под дверью палаты 215.

Эвелин продолжала держать её за руку. Пальцы женщины дрожали.

— Не отвечай ей, — прошептала она.

— Я уже поняла.

— Нет. Ты ещё не поняла.

Дверь открылась шире.

Мара вошла в палату. Её шаги звучали совершенно обычно, но половицы под ногами почему-то жалобно скрипнули, словно вес у неё был намного больше человеческого.

— Лиззи, — сказала она. — Вам нужно вернуться.

Эвелин встала перед ней.

— Она останется здесь.

Мара посмотрела на Эвелин.

— Ты не имеешь права принимать решения.

— А ты не имеешь права заходить без разрешения.

Мара улыбнулась.

На этот раз её улыбка была нормальной. Именно это испугало Лиззи сильнее всего.

— Я пришла за пациенткой.

— Тогда назови её диагноз, — сказала Эвелин.

Мара молчала.

— Ты даже не знаешь, кого забираешь, — продолжила Эвелин. — Вы никогда не знаете.

Лицо Мары слегка дёрнулось.

— Вы обе должны соблюдать режим.

— Какой режим? — спросила Лиззи. — Тот, по которому людей записывают образцами?

Мара медленно повернула голову к ней.

Лиззи поняла, что совершила ошибку.

Зрачки медсестры не изменились. Даже когда она посмотрела на яркий свет коридора, они остались одинаково большими.

— Кто показал вам карту? — спросила Мара.

— Она лежала на полу.

— Вы не должны были её читать.

— Там написано, что Эвелин — образец.

Эвелин закрыла глаза.

— Уходи, Мара.

Медсестра сделала шаг к ним.

— Лиззи, вы должны вернуться в палату.

— Нет.

— Вы больны.

— Все здесь больны?

— Все.

— А вы?

Мара снова улыбнулась.

— Особенно я.

Свет в коридоре мигнул.

На короткое мгновение лицо Мары изменилось. Кожа на лбу натянулась, губы стали тонкими и почти бесцветными, а под глазами проступили тёмные провалы.

Лиззи моргнула.

Мара снова выглядела обычной.

— Ты тоже видела? — спросила Эвелин.

— Да.

— Тогда беги.

Эвелин толкнула Лиззи к другой двери — маленькой, расположенной возле шкафа.

— Туда.

— А ты?

— Я задержу её.

Мара двинулась вперёд.

— Эвелин, не делай этого.

— Я уже сделала.

Эвелин схватила металлический стул и бросила его в сторону медсестры. Стул ударился о стену. Мара не успела отступить, и его ножка задела её плечо.

Раздался влажный хруст.

Мара опустила взгляд.

Её плечо было вывернуто под невозможным углом.

Она не закричала.

Только медленно поставила руку на место.

— Это было невежливо, — сказала Мара.

Лиззи открыла маленькую дверь и протиснулась внутрь.

За дверью оказался узкий служебный коридор. В нём пахло пылью, холодным металлом и чем-то химическим. Лампочки под потолком загорались одна за другой, когда Лиззи проходила мимо, будто коридор просыпался вслед за ней.

Она побежала.

Сзади раздался звук падающего стула, потом тяжёлые шаги.

— Лиззи, — позвала Мара.

Голос звучал уже не из одной точки. Он доносился одновременно спереди, сзади и из вентиляционных решёток.

— Не бойся. Я просто хочу помочь.

Лиззи свернула за угол.

Перед ней возник ряд одинаковых дверей. На каждой была табличка с номером:

Она остановилась у двери 213.

Справа находилась дверь 214 — её палата.

Но Лиззи только что выбежала из палаты Эвелин, которая находилась напротив её комнаты. Как она оказалась по другую сторону коридора?

За спиной послышались шаги.

Лиззи дёрнула ручку двери 213.

Заперто.

Шаги приблизились.

Она бросилась к двери 214 и распахнула её.

Внутри было темно.

Лиззи вошла и сразу закрыла дверь. Через секунду ручка начала двигаться.

Она прижалась к стене и зажала рот ладонью.

Дверь медленно приоткрылась.

Мара заглянула внутрь.

В коридоре горел свет, поэтому Лиззи видела только её силуэт.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала медсестра.

Дверь открылась шире.

Мара вошла.

Лиззи заметила, что её походка изменилась. Она двигалась слишком плавно, почти скользила по полу.

Медсестра остановилась у кровати.

— Ты думаешь, что можешь спрятаться в своей палате?

Лиззи не отвечала.

Мара медленно повернула голову к зеркалу на стене.

Лиззи никогда раньше не замечала этого зеркала.

Оно было высоким, в тёмной деревянной раме, и отражало всю комнату.

В отражении Мара стояла спиной к Лиззи.

Но её отражение смотрело прямо на девушку.

Лиззи перестала дышать.

Отражение Мары улыбалось. Настоящая Мара не улыбалась.

Отражение подняло руку и приложило палец к губам.

Тише.

Лиззи посмотрела на настоящую медсестру. Та стояла неподвижно, глядя на кровать.

Потом отражение повернуло голову.

Его шея вытянулась, как мягкая ткань.

Лицо в зеркале стало чужим.

Сначала оно приобрело черты женщины, которую Лиззи видела в палате 215. Затем лицо Эвелин исчезло, и в зеркале появилась сама Лиззи.

Только отражение было старше. Кожа серее, глаза глубже, а на шее виднелась тёмная линия, будто след от верёвки.

Отражение прошептало:

— Не верь ей.

Лиззи почувствовала, что настоящая Мара повернулась.

Она резко закрыла глаза.

— Где ты? — спросила медсестра.

Лиззи молчала.

— Я слышу твоё сердце.

Отражение в зеркале подняло руку и указало на тумбочку.

Лиззи медленно посмотрела туда.

На тумбочке лежал небольшой металлический ключ.

Она не помнила, чтобы он был там раньше.

Мара сделала шаг к ней.

Лиззи протянула руку и схватила ключ.

Медсестра остановилась.

— Что у тебя в руке?

Лиззи побежала к двери.

Мара рванулась следом.

Её пальцы сомкнулись на рукаве Лиззи, но ткань разорвалась. Девушка выскочила в коридор и захлопнула дверь.

За спиной раздался удар.

Дверь содрогнулась.

— Лиззи! — крикнула Мара.

В её голосе впервые появилась настоящая эмоция.

Злость.

Лиззи побежала.

Ключ в руке оказался тяжёлым и холодным. На его головке был выгравирован номер **07**.

Она свернула за угол и увидела металлическую дверь без таблички.

Замочная скважина находилась почти у самого пола.

Лиззи опустилась на колени и вставила ключ.

За дверью раздался детский шёпот:

— Не открывай.

Она замерла.

— Томас?

— Это не моя дверь.

— Но на ключе номер 07.

— Они хотят, чтобы ты так думала.

Дверь палаты 214 в конце коридора распахнулась.

Мара вышла наружу.

Теперь она не скрывала, что с ней что-то не так. Её голова была наклонена под неправильным углом, а рот растянулся в неподвижной улыбке.

— Открой дверь, Лиззи, — сказала она.

— Что там?

Мара сделала шаг.

— Там то, что осталось от тебя.

Лиззи посмотрела на ключ.

Потом на дверь.

Потом на Марыно отражение в небольшом стекле.

В стекле за её спиной стояла не Мара, а высокая бесформенная фигура.

Лиззи повернула ключ.

Дверь открылась.

Из-за неё пахнуло кислотой.

Где-то далеко, за несколькими стенами, закричал ребёнок.

А Мара впервые перестала улыбаться.

Глава 6
Медицинская карта

Дверь открылась внутрь.

За ней находилась лестница, уходящая вниз. Ступени бы-

ли покрыты тонким слоем влаги, а по стенам тянулись чёрные трубы. Откуда-то снизу доносился гул, похожий на работу огромного двигателя.

Лиззи стояла на пороге, сжимая ключ.

Позади неё Мара не двигалась.

— Закрой дверь, — сказала она.

Голос медсестры стал другим. Он больше не звучал ласково. В нём появилась хриплая, низкая нота, от которой у Лиззи заболели зубы.

— Что там внизу?

— Ничего, что тебе нужно видеть.

— Тогда почему вы так боитесь, что я войду?

Мара сделала шаг вперёд.

Лиззи переступила через порог и захлопнула дверь. Ключ остался в замке. Она повернула его, но механизм не сработал.

С другой стороны раздался удар.

Дверь содрогнулась.

Лиззи начала спускаться.

С каждым шагом гул становился громче. В воздухе чувствовался резкий запах кислоты, смешанный с запахом мокрого железа. Лестница казалась бесконечной. Лампочки появлялись через равные промежутки, но некоторые из них светились тускло, а другие мигали без причины.

На стене рядом с пятой ступенью была нацарапана цифра **07**.

Через несколько ступеней — ещё одна.

Потом ещё.

Лиззи остановилась.

Все цифры были написаны одинаковым почерком.

Внизу что-то зашуршало.

— Томас? — позвала она.

— Не называй меня, — ответил мальчик.

Голос доносился отовсюду.

— Почему?

— Если они услышат имя, они смогут его повторить.

— Кто такие «они»?

— Ты сама скоро увидишь.

Лиззи продолжила спускаться.

Лестница закончилась у металлической двери. На ней не было номера, только маленькое квадратное окошко, закрытое мутным стеклом.

Из-за двери слышалось журчание.

Лиззи толкнула её.

За дверью находилось длинное помещение, похожее на технический этаж. Вдоль стен стояли прозрачные резервуары, соединённые трубами. Внутри некоторых плавали белые нити, другие были пустыми.

На полу блестела жидкость.

Лиззи сразу поняла, что это не вода.

Кожа на её пальцах начала покалывать даже на расстоянии.

В центре комнаты находился металлический стол. На нём лежали папки, медицинские инструменты и несколько фотографий.

Лиззи подошла ближе.

На первой фотографии была Эвелин. Она выглядела моложе, улыбалась и стояла рядом с мужчиной, которого Лиззи не знала.

На второй фотографии Эвелин лежала на больничной кровати.

На третьей её лицо было закрыто белой тканью.

Лиззи перевернула снимок.

На обороте стояло:

ОБРАЗЕЦ 214. СОСТОЯНИЕ: УТЕРЯН.

За спиной послышался звук.

Лиззи резко обернулась.

В дальнем конце помещения стояла фигура в белой одежде. Она была повернута к стене.

— Томас?

Фигура медленно подняла руку и указала на стол.

Лиззи посмотрела на папки.

Верхняя была подписана её именем.

ЛИЗЗИ МОРРОУ.

Она открыла её.

Первая страница содержала фотографии. На одной Лиззи была изображена в своей палате, спящая на кровати. На другой — сидящая у окна. На третьей — стоящая перед зер-

калом.

Фотографии были сделаны с разных углов, но на каждой она смотрела в камеру.

Даже если не могла её видеть.

Лиззи перелистнула страницу.

Пациент: Лиззи Морроу.

Возраст: 23.

Дата поступления: 14 марта.

Первичная реакция: отсутствие воспоминаний.

Скорость восстановления: повышенная.

Ниже красными чернилами было написано:

Пациентка слышит голоса.

Следующая строка:

Пациентка реагирует на отражения.

Ещё ниже:

Пациентка помнит фигуру у дороги.

Лиззи перестала дышать.

Последняя запись была сделана совсем недавно:

Срок до замены: менее двадцати четырёх часов.

Она выронила папку.

Страницы разлетелись по полу.

В одной из них была схема тела человека. На ней красным цветом отмечены глаза, горло, грудь и кисти рук. Рядом стояла пометка:

Сохранить голос. Сохранить походку. Удалить память о страхе.

Лиззи отступила от стола.

— Что значит «замена»?

Фигура у стены не повернулась.

— Томас, ответь мне.

Фигура медленно наклонила голову.

Под белой одеждой что-то зашевелилось.

Лиззи увидела, как ткань на спине натянулась, будто под ней раскрывались дополнительные суставы.

Она попятилась.

На краю стола лежал небольшой диктофон. Лиззи нажала кнопку.

Из динамика раздался голос доктора Вейла:

— Первые сутки пациент обычно не сопротивляется. На вторые начинает задавать вопросы. На третьи слышит ребёнка. На четвёртые ищет нижний уровень. Если пациент добирается до архива, он уже не пригоден для спокойной замены.

На записи послышался шелест бумаги.

— В этом случае необходимо изолировать образец и ускорить процедуру.

Затем прозвучал голос Мары:

— А если он успеет выйти?

— Он не выйдет.

— Почему?

— Потому что клиника уже знает его лицо.

Запись оборвалась.

Лиззи выключила диктофон.

В дальнем конце комнаты фигура повернулась.

Это был Томас.

Мальчик выглядел лет десяти. На нём была больничная рубашка, слишком большая для его тела. Лицо было бледным, волосы мокрыми, будто он только что вышел из воды.

Но глаза у него были закрыты.

— Не открывай их, — сказал Томас.

— Почему?

— Потому что я не Томас.

Лиззи почувствовала, как подкашиваются ноги.

Мальчик поднял руку и указал ей за спину.

В стекле ближайшего резервуара отражалась не Лиззи.

Там стояла другая девушка.

Она была похожа на Лиззи, но старше. Её лицо было покрыто тонкими трещинами, словно фарфоровая маска. У неё не было рта.

Отражение подняло палец и указало на открытую папку.

Лиззи посмотрела вниз.

На последней странице появилась новая запись.

Она медленно проступала на бумаге, будто чернила впитывались изнутри:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.